

УДК 323

UDC 323

**МИРОВАЯ ПРАКТИКА
И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ДИАСПОРОЙ****WORLD PRACTICE
AND MODERN TENDENCIES**

Т. И. Шупенько,
*кандидат политических наук,
доцент кафедры социально-
гуманитарных дисциплин Белорусского
государственного педагогического
университета имени Максима Танка*

T. Shupenko,
*PhD in History,
Associate Professor of the Department
of Social-Humanitarian Disciplines,
Belarusian State Pedagogical
University named after Maxim Tank*

Поступила в редакцию 22.01.21.

Received on 22.01.21.

В статье анализируются изменения во внешнеполитических процессах, связанные с ростом глобальной взаимозависимости и трансформациями внутри национальных государств, которые привели к необходимости переосмысления государствами возможностей и способов оказывать влияние на международной арене. Автор исследует актуальные тенденции взаимодействия с диаспорой, примеры использования инструментов «мягкой силы» современными государствами.

Ключевые слова: «мягкая сила», глобализация, диаспора, диаспоральная политика, экономический потенциал, политический потенциал, лоббирование.

The article analyzes the changes in foreign-policy processes connected with increasing of global interdependence and transformations inside of national states which led to the necessity of reconsideration by the states of possibilities and ways of influencing the diaspora examples of using the tools of “soft power” by modern states.

Keywords: “soft power”, globalization, diaspora, diasporal policy, economic potential, political potential, lobbying.

Введение. Изменения во внешнеполитических процессах, связанные с ростом глобальной взаимозависимости и трансформациями внутри национальных государств, привели к необходимости переосмысления государствами возможностей и способов оказывать влияние на международной арене. Это выразилось в использовании наравне с традиционной военно-экономической мощью «мягкой силы».

Цель статьи состоит в рассмотрении и анализе актуальных тенденций взаимодействия с диаспорой, в частности «мягкой силы», и примеров ее использования современными государствами.

При написании статьи автором проанализированы статьи и монографии зарубежных и отечественных исследователей, архивные материалы из фондов МИД, информация электронных СМИ Беларуси и зарубежья.

Основная часть. Такой инструмент международного влияния, как «мягкая сила», предполагает достижение желаемых результатов на добровольной основе. В его основе лежат такие социокультурные признаки, как культура, символы, ценности, идеи, мифы. Впервые термин *softpower* был введен американским профессором, политологом

Дж. Наем и как категория политической науки широко распространен в 90-е гг. XX в. В одной из своих работ он выделяет три стороны «мягкой силы»: «культура (там, где она привлекательна для других), политические ценности (когда их придерживаются) и внешняя политика (когда она выглядит легитимной и морально оправданной)» [1, с. 56].

О. Г. Леонова среди наиболее важных инструментов «мягкой силы» выделяет: инфополюс; политический пиар, ориентированный на зарубежную аудиторию; глобальный маркетинг; позиционирование страны в глобальной иерархии; язык страны и степень его популярности в мире; народную (публичную) дипломатию; туризм, спорт и культурные обмены; систему образования и студенческие (молодежные) обмены; способность вести информационные войны; миграционную политику; национальную диаспору; диалог культур [2].

Как подчеркивает Е. П. Панова, «мягкая власть» должна быть активным ресурсом в арсенале влияния любого государства, которое имеет долгосрочные внешнеполитические цели, будь то упрочение собственного влияния в мире, или проникновение на новые рынки, или обеспечение стабильных внешних условий для внутреннего развития» [3, с. 95].

Многие страны успешно пользуются стратегией «мягкой силы» для укрепления своего влияния на международной арене. Существует рейтинг государств, наиболее эффективно ее использующих [4]. Интересны модели Польши, Германии, Турции, Китая.

В сфере образования можно привести пример Польши. Украинские студенты находятся на первом месте среди иностранных студентов в Польше. В 2013/14 учебном году 15 тыс. украинцев получали польское высшее образование, 4 тыс. из них получали стипендии польского правительства. В 2014/15 учебном году из-за военных действий в Украине и неблагоприятной экономической ситуации эта цифра увеличилась более чем на 50 % и достигла 23 тыс. [5]. В свою очередь Польша рассматривает это как инструмент продвижения собственных интересов и эффективного распространения влияния. Важная роль отводится идеологической политике в отношении Украины, то есть украинская молодежь рассматривается как потенциальный реципиент европейских ценностей. Подобная политика проводится Польшей по отношению к Беларуси. Белорусские студенты в 2014/15 учебном году находились на втором месте среди иностранных студентов польских учреждений высшего образования (около 5 тыс.) [6]. Для них «Программой Калиновского» предусматривалось определенное количество стипендий. С целью сохранения и укрепления своего влияния на постсоветском пространстве Польша в качестве основного инструмента использует польскую диаспору.

Интересна модель Германии в применении «мягкой силы» в сфере образования. На современном этапе она проводит активную политику поощрения иммиграции в образовательных целях. Германия входит в десятку стран, наиболее привлекательных для иностранных студентов, наряду с такими странами, как США, Австралия, Великобритания, Франция и Япония. Спецификой использования «мягкой силы» Германией является также то, что «в роли исполнителей чаще всего выступают негосударственные организации, которые, ввиду своей формальной независимости, имеют существенно больше возможностей и полномочий» по сравнению с государственными органами [7, с. 29].

Особенностью Турции в осуществлении «мягкого воздействия» является активное вовлечение в эту работу бизнес-структур, включая TÜSİAD (Союз турецких промыш-

ленников и предпринимателей), организаций неправительственного, общественного и образовательного характера, а также исследовательские центры и университеты. Интегративный подход в реализации «мягкой силы» обеспечивает так называемую «стратегическую глубину» внешнеполитического курса Турецкой Республики [8, с. 74]. Одним из инструментов «мягкого воздействия» является популяризация турецкого языка и культуры. Важно подчеркнуть, что целевой аудиторией программ, разрабатываемых в этой сфере, являются не только иностранные, но и турецкие граждане, проживающие за рубежом. В целях создания привлекательного имиджа на международной арене и для реализации стратегии продвижения страны Турция участвует в различных культурных мероприятиях, проводит культурные акции, в которых позиционируются особенности турецкой культуры. Усилия по укреплению культурных связей с другими государствами предпринимает организация TÜRKSOY (Организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства). Действует образовательная программа Bosphorus Undergraduate Scholarship Program (по специальностям «Экономика», «Технические науки», «Политология»), направленная на привлечение в турецкие университеты иностранных студентов (из Бразилии, Монголии, Вьетнама). Программа предусматривает открытие филиалов и внедрение образовательных программ за рубежом, а также поддержку связей с зарубежными соотечественниками [9, с. 153]. Турецкое правительство осуществляет культурные и образовательные мероприятия, финансирует строительство мечетей, открытие школ на турецком языке. Разрабатываются способы привлечения выходцев из Турции к лоббированию национальных политических и экономических потребностей в странах, входящих в зону турецких интересов [10].

Специфика Китая при проведении стратегии «мягкой силы» состоит в разработке научной концепции, которая заключается «во-первых, в сближении с народом, во-вторых, умении обобщать опыт и уроки, выдвигать конкретную стратегию, а также курс и политику для ее осуществления в соответствии с требованиями реальной действительности» [11, с. 150]. Многочисленная китайская диаспора широко привлекается к реализации концепции как в экономической, так и научной и образовательной сферах.

В контексте стратегии «мягкой силы» можно говорить о возможностях использования потенциала диаспор. Их возрастающая международная значимость приводит к тому, что страны с многочисленной диаспорой за рубежом все чаще пытаются решать свои международные проблемы при их активном участии. Все большее значение приобретают экономическая и политическая функции диаспор.

Во-первых, это проявляется в возможностях лоббирования своих интересов как внутри страны пребывания, так и на международной арене (получение дополнительных прав и возможностей для представителей диаспоры, особых гарантий для их эффективного развития и т. д.). Белорусское государство в конце 90-х гг. XX в. предпринимало попытки использовать политический ресурс диаспоры. Например, в Латвии посольством Республики Беларусь проводилась работа по расширению влияния белорусов на политическую жизнь в стране, в том числе по «созданию белорусского лобби в официальных структурах власти» [12]. Посольство работало с депутатами латвийского парламента (Саэйма), белорусами по национальности, которые входили в группу по взаимодействию с парламентом Беларуси.

Во-вторых, часть организаций диаспоры (например, таджикской, узбекской, туркменской, белорусской) выступают как оппозиция правящему режиму, используя различные методы для борьбы с ним (издание газет, интернет-сайтов, формирование общественного мнения). Для Беларуси это особенно актуально, так как на протяжении длительного времени (с середины 90-х гг. XX в. и до настоящего момента) часть оппозиционно настроенных организаций диаспоры пыталась использовать политический ресурс в целях изменения политического курса страны, прибегая к перечисленным мерам.

Важным фактором, определяющим функциональное значение диаспор во внутренней политике государств и на международной арене, является потенциал созданных диаспоральных объединений. Значимый статус их лидеров позволяет им вести диалог с органами государственной власти на самом высоком уровне. Такое явление в научной политологической среде получило название «диаспоральная дипломатия» [13].

Политическое влияние диаспоры в некоторых случаях заставляет государство проживания его опасаться, что может привести

к введению мер дискриминационного характера. Запрет на создание организаций соотечественников и иные меры чаще всего характерны для государств на начальной стадии получения ими независимости. Например, после получения независимости русское население подвергалось дискриминации в Финляндии. В прибалтийских государствах, особенно в первые годы постсоветского периода, проводилась такая же политика в отношении русскоязычного населения. В Эстонии и Латвии была принята стратегия, устанавливающая политическое главенство титульных национальностей, что выражалось в отказе автоматического права на гражданство представителям нетитульных наций. Ситуация изменилась в конце 90-х гг. XX в. в связи с принятой Европейским союзом стратегией «мультикультурной интеграции» по отношению к национальным меньшинствам [14, с. 207]. В Молдавии политика «этнической чистки» привела к неприятным последствиям – значительной потере высококвалифицированных специалистов и руководящих сотрудников. Вице-премьер И. Т. Гуцу публично признал, что «...самой большой ошибкой переходного периода было уничтожение государственного аппарата и увольнение профессионалов» [15, с. 284].

Диаспоры могут рассматриваться в качестве потенциальной угрозы в том случае, если критически растет количество представителей этнических сообществ и это создает угрозу внутренней безопасности страны. Такие тенденции наблюдаются в последнее время в странах Западной Европы, серьезно обеспокоенных притоком мигрантов и возникающими в связи с этим социальными кризисами – ростом безработицы, преступности, политическими столкновениями, конфликтами на национальной и конфессиональной почве. Миграционные процессы привели к тому, что ряд государств встал перед выбором: сохранить законодательно закрепленную концепцию «мультикультурализма» либо ограничивать въезд в страну.

Не менее важным является и экономический аспект. Он заключается в способностях и возможностях современных диаспор действовать на расширение торгово-экономических отношений страны проживания с материнским государством, а также оказывать ему экономическую помощь, используя свой потенциал.

Социально-демографический состав диаспор является благоприятным фактором для

достижения высоких экономических результатов. Среди мигрантов «преобладают мужчины трудоспособного возраста, с уровнем образования и профессиональной подготовкой выше среднего, как правило, энергичные и предприимчивые» [16, с. 163]. Можно заключить, что они экономически более активны по сравнению со средними характеристиками соотечественников на родине. Трудовая миграция, с одной стороны, складывается стихийно, с другой – целенаправленно контролируется государствами, заинтересованными в притоке или ограничении какого-либо вида мигрантов. Многие государства практикуют введение ограничительных возрастных, профессиональных, имущественных и иных квот для мигрантов. В результате экономический потенциал диаспоры может быть выше средних показателей страны проживания. Например, в США в конце XX в. «суммарный доход диаспор азиатского происхождения значительно превосходил средний: 22,1 тыс. долл. на семью против среднестатистического – 16,8 тыс. долл.» [16, с. 163].

В вопросах использования потенциала диаспор существуют и определенные сложности. В связи с повышением роли диаспор на международной арене национальные государства стремятся использовать все их ресурсы в своих интересах, закрепляя это законодательно. Это выражается в двойном гражданстве, предоставлении различных льгот, принятии законов, дающих определенные преимущества данной категории граждан. Распространение получает практика выдачи специального документа, который их регламентирует (например, «удостоверение зарубежного венгра», «карта поляка»).

Закон о венграх, проживающих на территории Хорватии, Словении, Югославии, Румынии, Словакии и Украины, гарантирует им особые условия и комплекс льгот во время пребывания на родине: право на работу три месяца в году, равные права с венгерскими гражданами в области культуры, бесплатные медицинские услуги, льготные транспортные тарифы, стипендии для получения образования, а в отдельных случаях – предоставление пенсий для работающих в Венгрии [17].

В Индии в 1999 г. были введены удостоверения «лиц индийского происхождения» (Person of Indian origin – PIO) и «заморских граждан Индии» (Overseas Citizen of India – OCI). Ими могут воспользоваться лица, имевшие ранее индийское гражданство, а также те, чьи предки проживали в Индии,

но никогда не были гражданами Бангладеш, Пакистана и других стран (в соответствии с утвержденным индийским государством списком). Владельцы карт PIO имеют ряд льгот, основная из которых – право безвизового въезда в Индию (если срок пребывания не превышает 180 дней). Индийское гражданство можно принять через 7 лет после получения карты PIO. С 2005 г. зарубежные индийцы могут получать удостоверение OCI, которое является бессрочным и выдается индийскими посольствами (консульствами). За индийским гражданством можно обратиться через 5 лет после получения удостоверения OCI [18].

В 2008 г. в Польше вступил в силу Закон «О карте поляка». Этот документ подтверждает принадлежность к польскому народу и дает ряд льгот ее владельцу. Среди них право бесплатно получать долгосрочную многократную визу, работать и заниматься бизнесом без дополнительных разрешений, бесплатное образование, экстренная медицинская помощь и др. [19]. Официальной целью введения карты является поддержка этнических, языковых и культурных ценностей зарубежных поляков в странах СНГ и Балтии.

Такие документы, несомненно, укрепляют статус представителей диаспоры, однако могут негативно влиять на двустороннее сотрудничество стран проживания и исхода диаспоры. Например, власти Румынии охарактеризовали венгерский закон как «анархичный, дискриминационный и неевропейский», противоречащий политическому румыно-венгерскому Договору от 1996 г., а также имеющий признаки экстерриториальности [20]. Премьер-министр Румынии отметил, что «Румыния не колония, откуда бы Венгрия ввозила себе рабочую силу» [20]. То есть в связи с предоставлениями льгот представителям национальных меньшинств страна проживания несет убытки в виде потери, например, рабочей силы.

Ряд положений, прописанных в «Карте поляка», в частности привлечение трудовых мигрантов в Польшу, также были негативно восприняты соседними государствами. Конституционный суд Республики Беларусь в 2011 г. принял постановление, что Закон «О карте поляка» «противоречит нормам международного права и основам добрососедства» [21]. В законопроекте Республики Беларусь «О соотечественниках, проживающих за рубежом», разрабатываемом в 2003 г., предусматривалось введение «сви-

детельства соотечественника», однако эти положения не вошли в окончательный вариант, и в Законе «О белорусах зарубежья», принятом в 2014 г., они отсутствуют [22]. Несмотря на неоднозначную оценку подобного рода документов, на наш взгляд, введение «свидетельства соотечественника» могло бы содействовать повышению интереса соотечественников к своей исторической родине.

ЛІТЕРАТУРА

1. Nye, J. S. Soft power: the means to success in world politics / J. S. Nye. – New York : Publ. Affairs, 2004. – 191 p.
2. Леонова, О. Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства / О. Г. Леонова // Обозреватель. – 2013. – № 4. – С. 27–40.
3. Панова, Е. П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике / Е. П. Панова // Вестн. МГИМО Ун-та. – 2010. – № 4. – С. 91–77.
4. Soft power survey 2014/15 [Electronic resource] // The Monocle. – Mode of access: <https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2014-15>. – Date of access: 21.04.2020.
5. Косолапов, Н. «Мягкая сила» Республики Польша на примере Украины и Белоруссии / Н. Косолапов // Свобод. мысль. – 2016. – № 3. – С. 177–188.
6. Буневич, Д. С. Польская диаспора как инструмент «мягкой силы» Варшавы на востоке / Д. С. Буневич // Конфликтология. – 2016. – № 1. – С. 20–28.
7. Ланьшина, Т. А. «Мягкая сила» Германии: культура, образование, наука / Т. А. Ланьшина // Вестн. Междунар. орг.: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т. 9, № 2. – С. 28–58.
8. Алиева, А. И. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции / А. И. Алиева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25, Междунар. отношения и мировая политика. – 2014. – № 3. – С. 63–94.
9. Сафонкина, Е. А. Турция как новый фактор политики «мягкой силы» / Е. А. Сафонкина // Вестн. Междунар. орг.: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т. 9, № 2. – С. 145–166.
10. Зубкова, А. Реализация стратегии «мягкой силы» во внешней политике Турции / А. Зубкова // Россия и мусульм. мир. – 2014. – № 5. – С. 101–107.
11. Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая / Лю Цзайци // Полис. – 2009. – № 4. – С. 149–155.
12. Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. – Ф. 907. Оп. 2. Д. 1216. Л. 139–142.
13. Мосейкина, М. Н. Диаспоральная дипломатия России в странах Латинской Америки: исторический опыт и перспективы / М. Н. Мосейкина // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Междунар. отношения. – 2015. – Т. 15, № 4. – С. 66–75.
14. The Baltic as a multicultural world: sea, region and people / ed. M. Lehti. – Berlin : Berliner Wiss.-Verl., 2005, 2005. – 218 p.

Заклучение. Перечисленные факты и тенденции свидетельствуют, что современная ситуация создает возможности как для отстаивания своих интересов самими диаспорами, так и для вовлечения их в системы интересов материнских государств и государств присутствия. Поэтому важно налаживать с диаспорой партнерские отношения.

REFERENCES

1. Nye, J. S. Soft power: the means to success in world politics / J. S. Nye. – New York : Publ. Affairs, 2004. – 191 p.
2. Leonova, O. G. Myagkaya sila – resurs vneshnej politiki gosudarstva / O. G. Leonova // Obozrevatel'. – 2013. – № 4. – S. 27–40.
3. Panova, E. P. Sila privlekatel'nosti: ispol'zovanie «myagkoj vlasti» v mirovoj politike / E. P. Panova // Vestn. MGIMO Un-ta. – 2010. – № 4. – S. 91–77.
4. Soft power survey 2014/15 [Electronic resource] // The Monocle. – Mode of access: <https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2014-15>. – Date of access: 21.04.2020.
5. Kosolapov, N. «Myagkaya sila» respubliki Pol'sha na primere Ukrainy i Belorussii / N. Kosolapov // Svobod. mysl'. – 2016. – № 3. – S. 177–188.
6. Bunevich, D. S. Pol'skaya diaspora kak instrument «myagkoj sily» Varshavy na vostoке / D. S. Bunevich // Konfliktologiya. – 2016. – № 1. – S. 20–28.
7. Lan'shina, T. A. «Myagkaya sila» Germanii: kul'tura, obrazovanie, nauka / T. A. Lan'shina // Vestn. Mezhdunar. org.: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. – 2014. – T. 9, № 2. – S. 28–58.
8. Alieva, A. I. «Myagkaya sila» v sovremennoj vneshnej politike Turcii / A. I. Alieva // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 25, Mezhdunar. otnosheniya i mirovaya politika. – 2014. – № 3. – S. 63–94.
9. Safonkina, E. A. Turciya kak novyj faktor politiki «myagkoj sily» / E. A. Safonkina // Vestn. Mezhdunar. org.: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. – 2014. – T. 9, № 2. – S. 145–166.
10. Zubkova, A. Realizaciya strategii «myagkoj sily» vo vneshnej politike Turcii / A. Zubkova // Rossiya i musul'm. mir. – 2014. – № 5. – S. 101–107.
11. Lyu Czajci. «Myagkaya sila» v strategii razvitiya Kitaya / Lyu Czajci // Polis. – 2009. – № 4. – S. 149–155.
12. Arhiv Ministerstva inostrannyh del Respubliki Belarus'. – F. 907. Op. 2. D. 1216. L. 139–142.
13. Mosejkina, M. N. Diasporal'naya diplomatiya Rossii v stranah Latinskoj Ameriki: istoricheskij opyt i perspektivy / M. N. Mosejkina // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Mezhdunar. otnosheniya. – 2015. – T. 15, № 4. – S. 66–75.
14. The Baltic as a multicultural world: sea, region and people / ed. M. Lehti. – Berlin : Berliner Wiss.-Verl., 2005, 2005. – 218 p.

15. Молдавия: современные тенденции развития : сб. ст. / Рос. ин-т стратег. исслед. ; под ред. Е. М. Кожокина. – М. : РОССПЭН, 2004. – 491 с.
16. Стрельченко, С. В. Социально-экономическая роль диаспоры в наше время / С. В. Стрельченко // Всероссийский экон. журн. – 2006. – № 3. – С. 158–169.
17. Закон LXII/2001 о венграх, проживающих в сопредельных странах [Электронный ресурс] : пер. с венг. // Белый мир. – Режим доступа: <http://www.whiteworld.ru/rubriki/000122/000/01101301.htm>. – Дата доступа: 28.11.2020.
18. Диаспоральная политика Индии: формула успеха [Электронный ресурс] / подгот. Н. Бабурова // Русский век. – Режим доступа: <http://www.ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=8655>. – Дата доступа: 30.11.2020.
19. О карте поляка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Польша, 7 сент. 2007 г. // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland. – Режим доступа: <http://www.msz.gov.pl/resource/f321bc6a-39b9-4750-be4d-cb4063b-14cfe>. – Дата доступа: 05.11.2020.
20. Самошкин, В. Забота о соотечественниках или «реваншизм»? [Электронный ресурс] / В. Самошкин // Независимая газ. – 2001. – 29 июня. – Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2001-06-29/6_revanshizm.html. – Дата доступа: 21.11.2020.
21. Аб пазіцыі Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь па Законе Рэспублікі Польшча «Аб карце паляка» [Электронны рэсурс]: рашэнне Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь, 7 крас. 2011 г., № П-258/2011 // Канстытуцыйны Суд Рэспублікі Беларусь. – Рэжым доступу: <http://www.kc.gov.by/be/main.aspx?guid=23223>. – Дата доступу: 28.11.2020.
22. Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. – Ф. 907. Оп. 15. Д. 25. Л. 54.
15. Moldaviya: sovremennye tendencii razvitiya : sb. st. / Ros. in-t strateg. issled. ; pod red. E. M. Kozhokina. – M. : ROSSPEN, 2004. – 491 s.
16. Strel'chenko, S. V. Social'no-ekonomicheskaya rol' diaspory v nashe vremya / S. V. Strel'chenko // Vserossijskij ekon. zhurn. – 2006. – № 3. – S. 158–169.
17. Zakon LXII/2001 o vengrah, prozhivayushchih v sopredel'nyh stranah [Elektronnyj resurs] : per. s veng. // Belyj mir. – Rezhim dostupa: <http://www.whiteworld.ru/rubriki/000122/000/01101301.htm>. – Data dostupa: 28.11.2020.
18. Diasporal'naya politika Indii: formula uspekha [Elektronnyj resurs] / podgot. N. Baburova // Russkij vek. – Rezhim dostupa: <http://www.ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=8655>. – Data dostupa: 30.11.2020.
19. O karte polyaka [Elektronnyj resurs] : Zakon Resp. Pol'sha, 7 sent. 2007 g. // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland. – Rezhim dostupa: <http://www.msz.gov.pl/resource/f321bc6a-39b9-4750-be4d-cb4063b-14cfe>. – Data dostupa: 05.11.2020.
20. Samoshkin, V. Zabota o sootechestvennikah ili «revanshizm»? [Elektronnyj resurs] / V. Samoshkin // Nezavisimaya gaz. – 2001. – 29 iyunya. – Rezhim dostupa: http://www.ng.ru/world/2001-06-29/6_revanshizm.html. – Data dostupa: 21.11.2020.
21. Ab pazicyi Kanstytucyjnaga Suda Respubliki Belarus' pa Zakone Respubliki Pol'shcha «Ab karce palyaka» [Elektronny resurs]: rashenne Kanstytuc. Suda Resp. Belarus', 7 kras. 2011 g., № P-258/2011 // Kanstytucyjny Sud Respubliki Belarus'. – Rezhym dostupu: <http://www.kc.gov.by/be/main.aspx?guid=23223>. – Data dostupu: 28.11.2020.
22. Arhiv Ministerstva inostrannyh del Respubliki Belarus'. – F. 907. Op. 15. D. 25. L. 54.